

Сумка Гайдара

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ВЛАДИМИР Лясковский всю Отечественную войну был военным корреспондентом «Комсомольской правды». О его смелости, репортерской находчивости было известно всему фронтовому журналистскому корпусу. В первые, самые трудные месяцы войны он работал на Юго-Западном фронте вместе с замечательным советским писателем Аркадием Петровичем Гайдаром.

Недавно в Одессе я встретился с Владимиром Григорьевичем, автором увлекательной книги о легендарном Гайдаре. Мы вспоминали фронтовые дороги, общих знакомых и, конечно же, говорили о Гайдаре.

— Наше знакомство было необычным, — рассказывал Владимир Лясковский. — В Киеве, в июле 1941 года возводились баррикады, по улицам ходили патрули, проверяли документы, присматривались к подозрительным и пионеры. Стало известно, что фашисты сбросили с транспортных самолетов парашютный десант. Лазутчики были одеты в форму наших командиров и солдат.

Утром в корреспондентском пункте «Комсомольской правды» раздался телефонный звонок. Звонили из милиции: «Мы задержали подозрительного человека с документами вашей газеты. Просим приехать»...

Мчусь на мотоцикле в милицию. У входа топчутся ребята. Это они привели сюда показавшегося подозрительным человека.

— Вы знаете этого гражданина? — спросили меня.

— Нет, впервые вижу, — решительно заявил я.

— Пожалуй, с этого эпизода я начну свой первый фронтовой репортаж, — произнес задержанный.

Через несколько минут я уже знал, что передо мной писатель Аркадий Гайдар, командированный «Комсомольской правдой» в качестве военного корреспондента в действующую армию.

— Идёмте, Аркадий Петрович, — сказал я и направился к выходу. Но он был настроен продолжить начатую с ребятами игру.

— Достаньте ваш пистолет, — попросил он. — Будете меня конвоировать. Пусть ребята думают, что задержан опасный преступник.

Немало трудов стоило Гайдари, чтобы попасть на фронт. За ранения и контузии, полученных в гражданскую войну, писатель был признан негодным к военной службе. В одну сурового испытания Гайдар и представить не мог себя вне рядов защитников Отечества. И вот он в украинском отделении газеты, где тогда вместе с Лясковским работал такой же молодой журналист Михаил Котов, ставший после войны секретарем Советского комитета защиты мира. Любивший все романтическое, Гайдар сразу же окрестил их мушкетерами, а выдавшую виды полуторку антилопой-гну.

Гайдари никогда не сиделось на месте. Он готов был без усталости ездить в части, чтобы больше видеть. «Наши нервы должны стрелять по врагу», — любил повторять он. В конце июля 1941 года жестокие бои шли в районе города Малин. Журналисты приехали туда. Но вечером, когда была назначена встреча, Гайдара не оказалось. Вся ночь прошла в тревоге за него. А на рассвете из леса вышла группа бойцов. На плащ-палатке они несли раненых товарищей. Шествие замыкал Гайдар. Гимнастерка на нем была порвана, лицо в коноты, а на груди висел трофейный автомат, большая редкость по тому времени.

Дни и ночи журналистов были загружены до предела. Вездесущих газетчиков видели то в кавалерийской дивизии под Кременчугом, то у танкистов на Житомирском шоссе, то у артиллеристов под Малином, то на бронепоезде под Каневом. Гайдара невозможно было удержать в штабах. Он всегда стремился на передовую.

Однажды после того, как Аркадий Гайдар вместе с командиром батальона Иваном Прудниковым ходил в рукопашный бой отбивать психическую атаку пьняных фашистов, Лясковский и Котов спросили:

— Как вы, Аркадий Петрович, относитесь к смерти?

— Симпатии к ней, никогда не испытывал.

— Зачем же вы лезете под пули?

— Чтобы жить и победить, — ответил Гайдар.

— Это был человек, стремившийся в самое пекло боя, — рассказывал Владимир Григорьевич. — Но нас с Михаилом всегда предостерегал от бравады, неоправданного риска. Не раз повторял, что смелость и осторожность на одном коне ездят.

— Мы ездили на одной машине, укрывались одной шинелью, нередко ели из одного котелка, — продолжал Лясковский. — Несмотря на разницу в возрасте — нам с Михаилом было по 24, а Гайдари шел тридцать седьмой, — мы очень сдружились. Аркадий Петрович имел звание полковника, широкую писательскую известность, но никогда и ни в чем не выделял себя.

Начиная писать в тетради очерк или зарисовку, он всегда в правом углу страницы рисо-

вал маленькую звездочку с лучами вокруг нее. Это был его знак, его личный символ. А из цветов он больше всего любил ромашку, напоминавшую ему солнце. Никогда не унывавший, бодрый и деятельный, Гайдар восход солнца встречал неизменной веселой командой: «Смирно! Солнце встает!».

Чаше, чем в других местах, корреспондентам приходилось бывать в Каневе, где находилась важная переправа через Днепр. Временами по два-три десятка «юнkersов» висели над ней. Однажды, когда на мосту скопилось особенно много машин и повозок, образовалась пробка. Гайдар, видя неразбериху, взял на себя обязанности коменданта переправы. Четким, властным голосом отдавал он приказания, которым все подчинялось.

Через несколько дней корреспонденты добрались до штаба 777-го артиллерийского полка. Его командир с горечью рассказал, что он не раз посылал в разведку самых ловких бойцов, но они попадали под пулеметный огонь и позарез нужного «языка» до сих пор нет.

Вечером Гайдар подошел к Лясковскому и, протягивая свою полевую сумку, сказал:

— Держи, Володя, когда вернусь утром, мне отдашь.

Гайдар решил пойти с бойцами в немецкий тыл, и никакие уговоры не могли остановить его.

— Если вы будете меня так опекать, — сердито отрубил он, — перейду в журнал «Мурзилка»...

Разведчики вернулись только через два дня. Гайдар тащил на плечах здорового верзилу с кляпом во рту.

— Кусался, дьявол! — сказал он. — Пришлось успокоить.

А потом обратился к командиру полка:

— Мне бы расписочку на этого гада.

— Какую расписочку? — удивился командир. — Мы никаких расписочек не выдаем, а представляем к награде.

— А мне надо. У меня сынишка в Москве. Вернусь домой, а он спросит: что ты, папка, делал на войне? Может, только статьи в газету строчил. А я ему, Тимуренку, вашу расписочку в руки. Так что войдите в положение...

— Помню, встретили мы в окопе уже немолодого бойца, — рассказывал Лясковский.

— Откуда, товарищ? — поинтересовался Гайдар.

— Из Архангельска, слышали про такой город? — ответил тот.

— Не только слышал, но и жил там. Выходит, мы с тобой земляки и по этому поводу следует перекурить. Бойцу махорка дорога, кури и выкуришь врага, — повторил Гайдар полюбившуюся ему веселую припевку, щедро угощая бойца махоркой.

— Сколько у вас земляков, Аркадий Петрович, — и на Двине, и на Волге, и на Каме? — как-то спросил у него я.

— Жизнь моя так повернулась, что люди разных городов стали моими земляками, — ответил он. — Родился я во Льгове. Это курская земля. В Воронеже командовал 23-м запасным полком. В Моршанске, на Тамбовщине, принял командование 58-м стрелковым полком. В Перми был фельетонистом в газете «Звезда», в редакции архангельской «Волны» — очеркистом. С мандатом «Тихоокеанской звезды» объехал весь Дальний Восток. Побывал на Магнитке спецкором. В Свердловске представлял газету «Уральский рабочий». В Москву я всегда приезжал с готовыми очерками, рассказами, а писал их в разных городах, где у меня немало друзей и товарищей. Вот и сейчас вспомнил Архангельск. Много хороших людей живет там.

Владимиру Григорьевичу не пришлось возвращать сумку Гайдари: ее он ему подарил. В схватке с врагом убили комиссара полка. И новенькую кожаную полевую сумку комиссара командир передал писателю, а гайдаровская осталась у Лясковского. Он бережно, как самую дорогую реликвию, пронес ее по всем фронтам.

А вскоре журналисты растались с Гайдари. Думали на время, а оказалось навсегда. Писатель отправился к партизанам. Ранним ненастным утром 26 октября 1941 года он с группой разведчиков поднялся на железнодорожную насыпь. Гудели по ветру сосны. Шум ветра помешал партизанам услышать, как по другой стороне насыпи проезжали повозки немцев. Поздно, очень поздно увидел их Гайдар.

— Ребята! — крикнул он. — Бегите в лес, я прикрою отход.

— И застрочил из пулемета. Смолк пулемет только тогда, когда вражеская пуля пробила отважное сердце Гайдара.

— А где же сумка? — спросил я Лясковского.

— Двадцать пять лет хранил ее дома, на своей нижней полке, не хотелось с нею расставаться. Но решил, что не тут ее место, и передал сумку в музей А. П. Гайдара. Там ее видят тысячи пионеров, приезжающих поклониться Гайдари со всех концов страны.

З. ШАДХАН.